

Пэй Чан приложил к лицу мазь. Опухоль уже немного спала и выглядела не так пугающе, но кожа по-прежнему горела багровым цветом, а глубокая трещина в уголке губ сразу бросалась в глаза.

Возвращаться в офис нужды не было, поэтому специального помощника Суня и ассистентку Цзинь отпустили раньше — их забрала другая машина.

Личный шофер Пэй Чана вел автомобиль в гробовом молчании, не смея издать ни звука. Лишь изредка его взгляд испуганно скользил по зеркалу заднего вида, проверяя состояние босса. Тот полулежал на заднем сиденье, прикрыв глаза и всем своим видом показывая, что нуждается в покое.

Сумерки сгущались, зажигая вдоль дорог цепочки уличных фонарей.

Прохожие на тротуарах постепенно редели, уступая место бесконечному потоку ревущих, спешащих куда-то машин.

Внезапно Пэй Чан разомкнул веки. На соседнем сиденье, истошно вибрируя и заливая салон неоновым светом, надрывался мобильный. Он снял трубку и бросил со скучающей резкостью:

— Ближе к делу. Выкладывай, чего надо.

Шофер незаметно вздрогнул. Он еще никогда не слышал, чтобы генеральный директор разговаривал с кем-то в подобном тоне.

«Надо же, — невольно подумал водитель. — А я-то думал, у нашего Пэя вообще нет друзей».

Из динамика донесся развязный голос:

— Мы в «Золотом заливе». Подтянешься?

«Золотой залив» — закрытый элитный клуб для сильных мира сего. Одно только бронирование вип-кабины там обходилось в круглую шестизначную сумму.

Не дожидаясь ответа, собеседник будто прочитал его мысли и тихо, с усмешкой добавил:

— Ну же, господин Пэй. Тебе что, папочка установил комендантский час? Нарушать нельзя?

Дешевая, шитая белыми нитками провокация.

Однако, вглядываясь в чернильное небо за стеклом, Пэй Чан вдруг почувствовал, как к горлу

подступает удушливая, давно ставшая привычной тоска. Эти вечные огни мегаполиса, этот бесконечный бег по кругу... всё это смертельно ему надоело.

А может, просто нахлынуло одиночество.

— Ждите, — сухо бросил он и нажал отбой.

Шофер бросил быстрый взгляд на хозяина и молча прибавил газу.

Пэй Чан же уставился на свое отражение в темном стекле. Лицо искажали багровые синяки. Помедлив, он щелкнул зажигалкой и затянулся, уходя взглядом в серую дымку.

\*\*\*

Один лишь вид парадного вестибюля «Золотого залива», сияющего помпезной позолотой, заставил бы любого рядового обывателя почувствовать себя ничтожеством. Здесь терлись исключительно баснословно богатые и влиятельные господа; пропасть между сословиями ощущалась физически, стоило лишь бросить случайный взгляд на местную публику.

Сам Пэй Чан заглядывал в подобные заведения только ради деловых встреч.

Вся эта мишура, пьяный угар и разврат казались чуждыми его натуре, словно любая попытка прикоснуться к ним могла его осквернить.

Именно поэтому, когда он переступил порог вип-кабины, присутствующие буквально оцепенели.

Хотя формально это была встреча однокурсников, на которой он имел полное право присутствовать.

— О, Генеральный директор Пэй! Ну и припозднился же ты. Мы тут уже по первой пустили!

Пэй Чан скользнул равнодушным взглядом по говорившему. Этот человек не имел никакого веса в высшем обществе, однако держался здесь увереннее и вольготнее, чем сам Пэй. Смерив его холодным взглядом, Пэй Чан молча стряхнул пепел с сигареты.

— Что скажешь, босс? За опоздание полагается штрафная! — Чжэн Юйцин, поправив очки, с мягкой улыбкой приподнял свой бокал.

Остальные за столом не шевелились, во все глаза глядя на вошедшего.

В полумраке кабины медленно вращались волны тускло-голубого неоновых света. Они частично скрадывали багровые кровоподтеки на лице Пэй Чана, но глубокая рана в уголке рта все равно отчетливо выделялась.

Чжэн Юйцин, впрочем, сделал вид, будто ничего не заметил, и весело покачал бокалом.

Шофер Пэй Чана ошибся в своих догадках.

Они не были друзьями. Их связывал исключительно холодный расчет и взаимная выгода.

Пэй Чан молча прошел мимо него и сел в самый темный угол дивана. От его ледяного безразличия веселье в комнате мгновенно увяло, а воздух будто сгустился.

Однако Чжэн Юйцин это нисколько не смутило — его губы по-прежнему кривились в благодушной улыбке.

С первого взгляда любой принял бы Юйцин за утонченного, мягкого интеллигента, увлекающегося искусством. И никто бы не заподозрил, что за этой ширмой скрывается делец, готовый выполнять для сильных мира сего самую грязную, подлую работу.

Своим нынешним прочным положением в корпорации Пэй Чан во многом был обязан именно его теневым услугам.

Они учились в одном университете, пусть и на разных факультетах. Пэй Чан тогда был недостижимым, холемым наследником богатой династии, а Чжэн Юйцин — циничным авантюристом, жаждущим острых ощущений. Их пути пересекались нечасто, но из всей университетской братии они общались ближе всего.

— Господин Пэй... кхм... Если бы мы только знали, что у тебя выкроится минутка, мы бы пригласили тебя заранее, — выдавил кто-то, пытаясь растопить сковавший комнату лед.

Остальные тут же закивали, подхватывая пустую беседу. Однако, несмотря на заискивающие речи, ни один из них не осмелился пересечь невидимую границу и сесть рядом с Пэй Чаном.

Вокруг него словно вырос глухой, непроницаемый барьер.

Он и в студенческие годы держался особняком, заставляя окружающих лишь благоговейно взирать на себя издалека.

Умный, блестящий, невероятно одаренный — и бесконечно далекий от всей остальной академической толпы.

Он просто приезжал на занятия, а после лекций его тут же увозил личный лимузин.

Дошло до того, что имя наследника Пэй гремело по всему кампусу, но в лицо его знали лишь единицы.

Даже шепотной Чжэн Юйцин с соседнего факультета казался сокурсникам куда ближе и понятнее, чем этот ледяной принц.

Вскоре алкоголь сделал свое дело. Видя, что Пэй Чан никак не реагирует на происходящее, гости захмелели, расслабились и через полчаса уже вовсю тискали друг друга, делясь сальными шуточками.

Кто-то, вконец осмелев от выпитого, крикнул:

— Генеральный директор Пэй, может, подогнать тебе кого-нибудь для компании?

— Иди-ка сюда... — забормотал другой, еле разлепляя осовелые веки. Он размашисто шлепнул стоявшего рядом симпатичного парня по ягодицам и с плотоядной ухмылкой толкнул его в сторону углового дивана. — Ступай, ублажи господина Пэя. Сделаешь все красиво — считай, поймал удачу за хвост, в люди выбьешься!

Чжэн Юйцин с нескрываемым любопытством наблюдал за этой сценой.

Пэй Чан слегка приподнял веки и окинул приближающегося парня равнодушным, пустым взглядом.

От исходящей от босса ледяной ауры юноша мгновенно заробел. Но перспектива «выбиться в люди» и получить покровительство такого человека была слишком заманчивой. Преодолев страх, он опустился на колени прямо перед Пэй Чаном.

— Позвольте мне угостить вас, Генеральный директор Пэй...

Юноша отхлебнул из своего бокала и приоткрыл губы, демонстрируя зажатый между зубами кубик льда.

Пэй Чан промолчал. Он лишь слегка пригубил свой виски, уставившись куда-то мимо гостя, на стоящее в углу декоративное растение.

Решив, что молчание — знак согласия, парень осмелел. Он низко прогнулся в пояснице, уперся ладонями в грязный ковер и медленно потянулся лицом к ширинке брюк Пэй Чана.

Каким бы элитным ни был клуб, если в его названии фигурировало слово «развлечения», внутри все равно царила грязь.

В прежние времена Пэй Чан даже близко не подошел бы к подобному вертепу.

Но что теперь?

Ему больше не нужно было душить себя безупречной дисциплиной и следовать жестоким семейным догмам.

Он наконец-то обрел свободу и мог позволить себе всё, что раньше было под строжайшим запретом.

Даже такое суррогатное, низменное удовольствие.

Когда чужое горячее дыхание коснулось его живота сквозь тонкую ткань рубашки, Пэй Чан единым глотком осушил бокал.

Крепкий алкоголь обжег горло, точно жидкое пламя.

Однако вместо желанного забвения он ощутил лишь смертельную скуку.

Внутри поднялась волна удушливого отвращения и глухого раздражения.

В эту секунду Пэй Чана до тошноты замутило от этих пьяных харь, от омерзительного заведения и, кажется, от всего этого никчемного мира.

В глазах его вспыхнул ледяной гнев. Он резко выпрямил ногу и наотмашь пнул парня в грудь, отшвыривая его прочь.

— Пошел вон, дешевка, — процедил он сквозь зубы, глядя на него сверху вниз. — Думаешь, ты достоин меня касаться?

Парень испуганно замер, а затем его лицо густо залила краска стыда.

Пэй Чан сам не понимал, какого черта он сюда притащился.

Какая глупая, бессмысленная трата времени.

Он резко поднялся и, не оборачиваясь, зашагал к выходу.

Остальные гости, окончательно осовев от алкоголя, бесформенными тушами валялись на диванах. Немногие уцелевшие трезвыми провожали его испуганными взглядами, не смея встать на пути.

Чжэн Юйцинъ лишь прищелкнул языком, глядя ему вслед, и разочарованно вздохнул.

Ему действительно хотелось стать Пэй Чану настоящим другом. Но в душе этого гордеца, похоже, просто не было места для живых людей.

Выйдя на крыльцо клуба, Пэй Чан застыл под косыми струями хлынувшего ливня. Он прикрыл глаза, подставляя лицо холодному дождю.

Как оказалось, долгожданная свобода не принесла облегчения. Внутри него по-прежнему зияла все та же леденящая пустота.

\*\*\*

Сжимая в руке промокший до нитки пиджак, Пэй Чан медленно, ступенька за ступенькой, поднимался в мансарду.

На его щеках горел нездоровый хмельной румянец, а с одежды на деревянные половицы непрерывно стекала дождевая вода.

Остановившись у заветной двери, он привалился к ней спиной и, запрокинув голову, тяжело, прерывисто задышал.

7008 робко потянулась к нему крошечной ладошкой, пытаясь смахнуть холодные капли с его лица. Но от нее, бесполезной железки, не было никакого толку — бесплотные пальцы безвредно скользили сквозь кожу.

Поняв это, 7008 уныло опустилась на пол и обхватила колени.

Спустя пару минут Пэй Чан пересилил дурноту, выпрямился и дрожащими пальцами вставил ключ в замочную скважину.

После того страшного инцидента он не появлялся здесь почти неделю.

И шорохи, доносившиеся из-за закрытой двери, с каждым днем становились все тише и слабее.

Дверь со скрипом отворилась, и Пэй Чан, покачиваясь, застыл на пороге, окруженный тусклым ореолом комнатного света.

Он уставился на огромный темный силуэт, сидевший спиной к выходу, и сделал шаг вперед.

— Гуайгуай... — хрипло позвал он.

Фигура, чьи длинные волосы густым ковром устилали пол, даже не шелохнулась. Вымокший пиджак выскользнул из пальцев Пэй Чана и глухо шмякнулся на пол. Он позвал снова, чуть громче:

— Гуайгуай.

7008 в напряжении сжала кулачки.

Прошло, казалось, несколько мучительных минут, прежде чем недвижимый, точно каменное изваяние, монстр медленно повернул к нему голову.

7008 облегченно перевела дух.

Пэй Чан тоже почувствовал, как с души спал тяжелый камень. Он внезапно запрокинул голову и негромко, надтреснуто рассмеялся.

Он закрыл лицо ладонью, но смех продолжал рваться из его груди — безумный, судорожный.

Чудовище резко вскинуло тяжелую, окованную цепями руку и одним мощным движением сгребло Пэй Чана за талию, притягивая к себе.

Пэй Чан, споткнувшись, рухнул прямоком в его объятия. Исполинское тело монстра целиком накрыло его, словно плотный кокон, но вместо страха в груди мужчины расцвела извращенная, ликующая радость.

В этом огромном, чужом и холодном мире осталось хоть что-то, что безраздельно принадлежало только ему одному.

Пэй Чан снова зашелся в тихом смехе.

Кажется, алкоголь окончательно затуманил его разум. Сидя на коленях у твари, которая в любое мгновение могла разорвать его на куски и сожрать, он парадоксальным образом испытывал абсолютный, блаженный покой.

Все эти неподъемные думы о выстраданной «свободе» и застарелой «ненависти» вдруг рассыпались в прах.

Плечи его мелко подрагивали от непрекращающегося беззвучного хохота.

«Пусть всё будет так. Даже если оно сожрет меня — плевать».

Наконец смех утих. Пэй Чан отрешенным, пустым взглядом уставился в темноту и щелчком зажигалки раскурил новую сигарету.

Монстр, укрытый водопадом спутанных длинных волос, мертвой хваткой сжал его бока и зарылся лицом в шею, лихорадочно обнюхивая и потираясь.

Острый кончик его носа скользнул по подбородку мужчины; тяжелое, рваное дыхание обжигало кожу. Тварь вела себя нетерпеливо и дико, словно в яростных поисках чего-то жизненно важного.

Пэй Чан, облаченный в промокшую белую рубашку и строгие черные брюки, сидел в его тисках неподвижно, как манекен.

Мокрая ткань насквозь пропиталась дождем и теперь плотно облепляла тело, делая рубашку почти прозрачной и обнажая бледную кожу. Подол сорочки все еще был аккуратно заправлен за пояс, подчеркивая изящный изгиб талии и бедер, но когтистая лапа уже бесцеремонно сминала ткань на его пояснице, оставляя глубокие складки.

Пэй Чан запрокинул голову, медленно выпуская изо рта струйку сизого дыма, которая мгновенно таяла в полумраке.

Внезапно шеи коснулось влажное, горячее прикосновение — чудовище принялось методично, упрямо вылизывать его кадык.

Его длинный, неестественно гибкий язык скользнул ниже, пробираясь под расстегнутый ворот к самой ключице.

Пэй Чан прищурился, и из его груди вырвался тихий, прерывистый вздох.

То самое низменное удовольствие, которое вызывало у него лишь брезгливость в элитном клубе, теперь горячей волной прокатилось по ослабшему телу.

Одной своей лапищей монстр мог обхватить Пэй Чана поперек туловища. Из-за колоссальной разницы в размерах мужчина казался в его объятиях хрупкой тряпичной куклой, которую мяти и вертели с пугающей легкостью.

Горячий язык продолжал ласкать его шею, покрывая кожу влажными следами. Выпитый виски наконец ударил в голову, действуя подобно дурманящему яду. Уголки глаз Пэй Чана

затуманились влагой и порозовели; он лениво затягивался, глядя перед собой замутненным взором.

Вдруг острый клык твари царапнул его нежную кожу у кадыка. Острая вспышка боли обожгла шею.

Пэй Чан опустил взгляд и со всей силы, без тени эмоций на лице, вlepил монстру звонкую пощечину.

Тварь на мгновение замерла, но тут же послушно склонила голову и заискивающе, виновато притихнув, принялась влажным языком зализывать ушибленное место на его шее.

Пэй Чан снова запрокинул голову к потолку, провожая взглядом плывущие кольца дыма.

И на его губах вновь заиграла улыбка.

Улыбка безумца, который совершенно осознанно шагал в бездну собственного падения.

<http://bllate.org/book/20309/2118765>